

©2020 В.В. СЛЮСАРЕВ, Т.М. ХУСЯИНОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР ПОСТКОРОНАВИРУСНОГО МИРА

Слюсарев Владимир Владимирович — младший научный сотрудник кафедры философии. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022 Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23. Электронная почта: slyusarevvladimir@gmail.com

Хусяинов Тимур Маратович — старший преподаватель департамента социальных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 603155 Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. Электронная почта: timur@husyainov.ru

Аннотация. Статья представляет собой краткий экскурс в историю масштабных эпидемий, известных человечеству. Сравнение различных пандемий в контексте социальной философии призвано выделить основные сходства и различия социальных трансформаций, происходящих в разные исторические эпохи. Результаты сравнительного анализа дают

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335 “Козэволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека”.

СОЦИАЛЬ- НЫЕ ПРАКТИКИ

возможность утверждать, что развитие пандемии возможно исключительно в высокоглобализированном мире, имеющем плотные военные и торговые связи на обширной территории, что характерно и для современности. Вторым общим фактором являются уменьшение количества производящей силы и определенное оскудение или омоложение человеческого капитала. В прошлом эти факторы негативно сказывались на экономике, параллельно с этим повышая ценность отдельных работников и способствуя изменению традиций. Однако при проецировании данной закономерности на современную ситуацию заметно существенное отличие. Если в результате предыдущих эпидемий процент смертей от общей численности населения был чрезвычайно высок, то этого пока нельзя сказать о пандемии COVID-19. Кроме того, фактор «падения» производящих сил в значительной степени сглаживается высокой степенью механизации труда. Как результат, можно прогнозировать обратное предыдущим эпидемиям воздействие — ценность отдельного работника будет снижаться прямо пропорционально спаду в экономике. Третьим общим фактором воздействия пандемий является изменение социальных институтов. Оказавшись в экстренных условиях, наиболее «жизнеспособными» становятся самые эффективные решения, вытесняя при этом традиционные структуры. Так, античная форма ведения хозяйства стала невозможной в связи с высокой смертностью рабов и трудностями в быстром восполнении потерь, что трансформировало экономическую систему Византии и Западной Европы во время Юстиниановой чумы. Исходя из вышесказанного строится предположение, что в ближайшем будущем состоится закрепление на достигнутых позициях различных форм дистанционной работы или социального контроля параллельно с ростом безработицы и отчуждением ряда традиционных ценностей.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, информационное общество, технологизация, цифровые технологии.

Ссылка для цитирования: Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Трансформация социальных структур посткоронавирусного мира // Человек. 2020. Т. 31, № 6. С. 113–128. DOI: 10.31857/S023620070013086-1.

Человечество вновь столкнулось с пандемией, это уже не первый случай, однако в этот раз она имеет свои специфические особенности. Пока эпидемия продолжается, довольно трудно делать прогнозы о будущем, но ретроспективный анализ и исследование современных тенденций могут стать основой для подобного рода построений.

В силу определенных особенностей устройства общества, его коммуникативных и эпистемических практик коллективный разум, оказавшись в чрезвычайной ситуации, действует с расчетом на ближайшую перспективу. Так, в зависимости от масштаба

происходящих социальных катастроф могут радикально меняться даже, казалось бы, незыблемые для общества ценности. Во все времена война меняла отношение к смерти и убийству. Во времена голода в разных культурах становилось приемлемо есть себе подобных или убивать детей. Во время жесткого тоталитаризма — методично и последовательно уничтожать неугодных. Но это примеры радикальные, крайние, утрированные. Данные изменения в нормах этики носят, как правило, временный, ограниченный характер. Более интересен в рамках нашего рассмотрения иной срез. В подобных условиях в обществе фиксируются хоть и менее радикальные, но гораздо более глубинные паттерны поведения. Религиозные войны и Реформация изменили отношение людей в Европе к церкви и святости религиозных деятелей. Первая мировая — отношение миллионов людей к механизированному транспорту и телефонии. Большинству из нас знакомо, как наши старшие родственники, пережившие войну и ее последствия, постоянно хранили и хранят до сих пор запас спичек, мыла и круп. Сильные потрясения въедаются в обыденные социальные практики на некоем базисном уровне. Как смотреть по сторонам перед тем, как переходить дорогу; как не выбрасывать недоеденный хлеб; как взмахом открытой руки приветствовать друг друга. Это и становится основой для формирования новых или трансформации прежних социальных практик и структур в условиях борьбы с новой эпидемией.

В доказательство данной гипотезы воспользуемся методом системно-структурного и исторического подходов и проанализируем ряд событий прошлого, сопоставив их с настоящим. Ведь если история нас чему и учит, так это тому, что не учит ничему.

Юстинианова чума

Первый из предложенных к рассмотрению примеров будет касаться VI века н.э. Предположительно в 540–541 годах на территории современных Египта и Эфиопии вспыхнула первая из известных чумных эпидемий — так называемая Юстинианова чума, в дальнейшем распространившаяся благодаря развитым военно-торговым морским связям по всему Средиземноморью. Эта эпидемия «мигрировала» из одного очага к другому, в сумме продолжаясь на протяжении почти двух веков, и унесла по некоторым оценкам до 90 млн человек [7]. Социально-экономические и, что более важно для данного рассмотрения, культурные последствия вполне очевидны. Достигнутые к 555 году территориальные завоевания Византии оказались недолговечными, и к 750-му году был утрачен контроль

В.В. Слюсарев
Т.М. Хусяинов
Трансформация
социальных
структур постко-
ронавирусного
мира

над территорией Италии, Северной Африки и Ближнего Востока, а вместе с ними — огромный культурно-исторический багаж наследия Римской империи. Все это привело к тому, что за Византией закрепился обособленный культурный статус — основанный преимущественно на греческой составляющей римской культуры.

В сельской местности из-за чумы фермеры не могли заботиться о посевах. Эпидемия вызвала сначала резкий рост, а после миллионов смертей еще более резкий обвал цен на главный глобальный товар эпохи — зерно. Произошло коренное изменение в формах хозяйствования, приведшее в итоге к закреплению в Византии средневековой формы его организации. При этом император Юстиниан потратил огромные суммы на войны против вандалов в Карфагене и королевства остготов в Италии, выделил значительные средства на строительство великих церквей, таких как собор Святой Софии. Чума при этом привела к снижению налоговых поступлений из-за огромного количества смертей и разрушений сельского хозяйства и торговли, вызвала девальвацию монеты и резкий рост стоимости рабочей силы. Юстиниан быстро принял новое законодательство, чтобы более эффективно бороться с перенасыщением исков о наследстве, поданных в результате множественных смертей [19, р. 111]. Долгосрочные последствия чумы для европейской и христианской истории были огромны. Когда болезнь распространилась на портовые города вокруг Средиземного моря, активизировались готские племена, и их конфликт с Константинополем вступил в новую фазу. Чума ослабила Византийскую империю в критический момент, когда армии Юстиниана почти захватили всю Италию и западное средиземноморское побережье в стремлении воссоединить ядро Западной Римской империи с Восточной Римской империей. Хотя завоевание произошло в 554 году, воссоединение длилось недолго: уже в 568 году ломбарды вторглись в Северную Италию, разбили небольшую оставшуюся византийскую армию и основали Королевство лангобардов. Чума, очевидно, в дальнейшем также способствовала успеху арабов в византийско-арабских войнах [24, 27]. Сохраняя прежнее название, фактически это уже было совершенно иное государство [8], трансформировавшееся из античного в средневековое. Вирус изменил эпоху, окончательно завершив Античность и запустив Средневековье в полную силу.

Черная смерть

Очевидно, что приведенный выше пример — не единственный случай вмешательства пандемии в социально-экономическую

жизнь. Новым очагом заражения стала Средняя Азия, связанная с Европой Золотой Ордой с севера, и крестовыми походами и турецким завоеванием — с юга. Своеобразная средневековая глобализация, обусловленная тремя крупными вторжениями — крестоносцев, тюрков и монголов, сформировала единое торгово-экономическое пространство, существовавшее в XIV веке. Именно этим во многом можно объяснить столь резкий рост темпов распространения смертности по сравнению с предыдущей эпидемией [14]. Всего лишь за пять лет (1347–1351) от эпидемии черной смерти в Европе умерли 69 млн человек — по некоторым оценкам это треть общего населения Западной Европы того периода.

В результате это привело к очередной трансформации экономики региона. Резкое сокращение рабочей силы и невозможность обрабатывать поля и получать зерно привели к увеличению их стоимости в 3–4 раза. И если цена на зерно через 20–30 лет, параллельно с восстановлением хозяйства, вернулась в норму, то демографическая яма такого масштаба не могла быть так легко преодолена. Как следствие, трудовые ресурсы оставались относительно дорогими по сравнению с докризисным периодом вплоть до XVII века. В результате экономика феодального поместья оказалась в кризисе, а трудовые отношения превратились в полноценный открытый рынок — крестьяне получили больше прав, мобильности и экономической свободы, а отношения между работником и землевладельцем приобрели коммерческий характер.

Эпидемия привела к тому, что из-за резкого уменьшения количества населения зашаталась традиция, ранее казавшиеся незыблемыми, и феодальные отношения дали свою первую трещину [10]. Многие цехи, бывшие практически закрытыми (по причине передачи ремесла по семейной линии), теперь стали принимать к себе новых людей. Подобным же способом вынуждено было пополнять свои ряды духовенство, значительно поредевшее за время эпидемии, а также врачебное сословие; за недостатком мужчин в сфере производства стали втягиваться женщины [21].

Изменения затронули и сферу догматов религии — неэффективность средневековой медицины и беспомощность религиозных институтов в борьбе с чумой способствовали тому, что верующие вновь начинали искать заступничества святых, а не церкви. Например, одним из защитников от эпидемии был избран св. Себастьян, которого традиционно изображали пронзенным стрелами. В добавление к этому прихожане создавали новую традицию по ходу дела, создавая новых святых (в частности, св. Роха) [5] или новые обряды (например, священники низшего звена с целью зафиксировать движение болезни протягивали нити вдоль городской стены) [23]. Так как чума не посещала

В.В. Слюсарев
Т.М. Хусяинов
Трансформация
социальных
структур постко-
ронавирусного
мира

Европейский континент со времен Юстиниановой эпидемии, ни в медицине, ни в религии не было практики работы со столь мощной глобальной эпидемией, ведь ранее этот вопрос не возникал. Как результат, массово возникали различные акты насилия, которые были «христианизированы» и не имели лидеров: искупительные процессии, публично бичующие себя флагелланты, танцующие в болезненном унисоне хористы, ритуальные сжигания обвиняемых в чуме [3]. Подобные «вольности» в трактовке церковных постулатов в итоге стали одним из механизмов формирования новых религиозных течений и Реформации. Вместе с этим возникало «статусное и ценностное безразличие», никто уже не заботился о соблюдении всех обрядов [9]. Например, похоронные традиции, несмотря на то, что были одними из самых устойчивых, нарушались и трансформировались: «им [умершим] не оказывали почета ни слезами, ни свечой, ни сочувствием» [4].

Кроме того, повальное бегство из городов, охваченных болезнью, породило анархию, панику и власть толпы. Из страха перед болезнью любого человека, вызывавшего малейшие подозрения, силой волокли в лазарет, бывший, если верить хроникам того времени, столь ужасным местом, что многие предпочитали покончить с собой, лишь бы не оказаться там. Эпидемия самоубийств, растущая вместе с распространением заразы, вынудила власти принять специальные законы, которые позволяли выставлять на всеобщее обозрение трупы тех, кто наложил на себя руки. Вместе с больными в лазарет часто попадали и здоровые, найденные в одном доме с заболевшим или умершим, что, в свою очередь, заставляло людей скрывать больных и тайно хоронить трупы. Бывало, что в лазарет тащили просто состоятельных людей, желая вдоволь похозяйничать в опустевших домах, объясняя крики жертвы помрачением рассудка в результате болезни.

Испанский грипп

Третий пример, рассматриваемый нами в рамках исследования, — эпидемия «испанки», которая началась в первые месяцы Первой мировой войны. Считается, что важным фактором для развития заболевания стали последствия войны — антисанитария, плохое питание, а также скученное расположение военных лагерей и лагерей беженцев. Массовое перемещение и репатриация войск, а также бурное техническое развитие новых транспортных средств (поезда, дирижабли, скоростные корабли) привели к росту распространения вируса. Число погибших оценивается в пределах

от 17 млн до 100 млн человек, что делает эту эпидемию одной из самых масштабных за всю историю человечества.

Новая эпидемия требовала принятия экстренных мер, в числе которых было создание новых социальных институтов, воспринимаемых на тот момент как временные, но закрепившиеся в структуре общества. Тогда сформировались новые институты государственного регулирования экономики — сначала в Германии и Великобритании, а затем и России. После преодоления первых проблем они не исчезли, а сохранились и продолжили свое существование. В результате эпидемии возникла нехватка рабочей силы, так как больше всего жертв пришлось на мужчин трудоспособного возраста, не изменилась (как это было в Швеции [22]) или повысилась заработная плата (рост подушевого реального дохода в США), получила толчок система социального обеспечения [25]. Важным уроком “испанки” стала необходимость информирования населения. Произошедшее стало значимым стимулом как для более широкой автоматизации производства, так и для создания более санитарно приемлемых условий работы.

Коронавирусная инфекция

Масштаб и характер трансформаций, складывающихся сегодня из отдельных локальных действий, трудно оценить. Находясь внутри сферы изменений, достаточно сложно делать выводы о тенденциях в развитии. Во многом это связано с тем, что существующие социальные структуры кажутся устойчивыми и не могут быть подвергнуты каким-то изменениям. Сегодня это усугубляется фактором информационной всеобщности, маклюэновской «глобальной деревней», в которой основным каналом распространения информации становятся не официальные источники, а «сарафанное радио», созданное социальными сетями, мессенджерами (подчас — анонимизированными), MMORPG и другими коммуникативными площадками в Глобальной сети. Кроме того, возникает феномен цифрового неравенства между теми, кто родился в докомпьютерную эпоху, и более молодыми поколениями. Они с разной степенью успешности осваивают новый виртуальный мир и по-разному видят происходящие изменения. Это помещает нас в ситуацию, когда люди, формирующие официальную информационную повестку, не успевают следить «методами прошлого» (аналитические обзоры, публикации в печатных СМИ, направление корреспондентов или доверенных лиц на места событий) за скоростью распространения новостей, которые первоначально возникают в социальных сетях и делаются непосредственными

В.В. Слюсарев
Т.М. Хусяинов
Трансформация
социальных
структур постко-
ронавирусного
мира

участниками событий. Подобно тому как развитие транспортной системы сделало всех путешественниками, современные мобильные устройства и доступ в Интернет превратили каждого в потенциального генератора новостей. Чтобы оставаться в тренде и соответствовать повестке дня, сегодня приходится обращаться к социальным явлениям, лежащим в плоскости цифровой реальности. Это не дает возможности верифицировать информацию традиционными способами — остается лишь принять ее на веру, основываясь на принципе конвенциональной истины — если все вокруг уверены, что это так, значит так оно и есть на самом деле. Вследствие этого одним из самых обсуждаемых явлений второй половины 2010-х годов стала постправда, в условиях которой убеждения и эмоции важнее, чем объективные факты, в формируемом общественном мнении. Следовательно, и решения принимаются на основании подобной концепции истины и мироописания [20].

Информационная повестка, сложившаяся на сегодняшний день вокруг коронавирусной инфекции, требует принятия быстрых и действенных решений, которые, как видится многим, являются лишь временными и не могут существовать после преодоления кризиса. Но, как было показано на примерах прошлого, это совсем не так, и «временные» институты сначала станут новыми составляющими социальной структуры, а после закрепятся в виде «успешных нововведений». Как следствие, это становится способом существования в условиях «турбулентного времени», когда изменения происходят с невероятной скоростью, а их прогнозирование практически невозможно. Общество теряет жесткую социальную структуру, которая была привязана к целым поколениям, и превращается в постоянную текучесть социальных институтов.

Современное общество еще в 1990-е годы было охарактеризовано немецким социологом У. Беком как «общество риска». Он отмечал, что в современном мире [2] происходит повышение рискогенности. В условиях растущей глобализации проблемы экологии, экономики, здоровья охватывают каждого. Формирование более открытого и единого мира приводит как к позитивным изменениям, так и повышает опасность некоторых рисков. Именно глобализация, будь то древний мир или современное общество, становится одной из причин столь успешного распространения пандемий [18].

Отчасти мы можем согласиться с мнением социолога Б. Тернера, который, критикуя концепцию У. Бека, отмечает, что риск становится функцией зависимости общества от социальных институтов. По его мнению, рискогенность связана с социальной ненадежностью институционализированных моделей поведения [26]. Так,

формирование более индивидуализированной системы здравоохранения, основанной на разных видах страхования, показало значительные проблемы в борьбе с новым вирусом: нехватка специалистов, оборудования, больничных палат. Индивидуализация общества касается и вопросов занятости и финансового обеспечения, рост самозанятости в мире в 1970–1980 годах привел к тому, что достаточно большая доля современных работников занялась самостоятельной профессиональной деятельностью [18]. С одной стороны, это сформировало условия для индивидуализированной инновационной экономики, повысило социальную мобильность граждан, гибкость системы и либерализацию общества в целом. С другой — в условиях индивидуализированного либерального общества человеку предоставляется не только возможность самостоятельного решения возникающих рисков, но и несения индивидуальной ответственности за собственное обеспечение, в т.ч. и медицинское. В условиях пандемии мы сталкиваемся с тем, что он не способен это сделать: теряет работу из-за карантина, не может обеспечить себе достаточный уровень жизни и лечения. Это в итоге приведет к росту преступности, бедности и необходимости государственной поддержки, а в глобальном смысле — требованию возвращения социального государства. В ином случае можно предполагать, что достаточно большая доля граждан перейдет в категорию бедных и маргинальных, будет формироваться более серьезное противопоставление тех, кто может получить помощь, и тех, кто ее получить не может или получит не в первую очередь. Нехватка медицинских ресурсов и несистемность медицины в целом, например, в Италии или США, привела к тому, что каждый день врачи сталкивались с проблемой выбора: кого именно следует спасать в условиях недостаточности обеспечения [1]. В то же время мы могли наблюдать, как в таких обществах, как китайское, где либеральный уровень намного ниже и преобладает жесткий коллективно-системный характер организации сферы социального обеспечения, были предприняты беспрецедентные меры, которые позволили значительно снизить число возможных жертв в условиях, когда о вирусе и о способах борьбы с ним было еще мало известно.

Новые вызовы потребовали новых решений, которые стали возможны за счет существующих технологий. Если борьба с самим вирусом требует серьезных биологических и медицинских исследований, то трансформация экономической и социальной жизни общества могла опереться на уже имеющиеся разработки. Если ранее их внедрению мешала социальная инерция, то эпидемия коронавируса стала катализатором использования нового, исключив доводы критиков-консерваторов.

В.В. Слюсарев
Т.М. Хусяинов
Трансформация
социальных
структур постко-
ронавирусного
мира

Распространение нового вируса привело к новым тенденциям в экономике. Все больше организаций стало использовать удаленные формы работы, что продемонстрировало необходимость в развитии экономики совместного пользования (в частности, убер-платформ для решения различных задач). Большое число самозанятых, как уже было отмечено, столкнулось с серьезными экономическими трудностями, не имея возможности продавать свой товар или оказывать услуги. В противовес этому возник другой важный тренд — способность перевести свою деятельность в цифровой формат, например, организовать детский праздник онлайн, провести тренировки по средствам видеосвязи.

Введение систем слежения за горожанами с целью пресечения нарушителей карантина, вероятнее всего, сохранится и расширится до пресечения и других нарушений [11]. Таким образом, те меры контроля, которые уже существуют в Китае [6], станут распространены и в других странах, где раньше не было средств, необходимости, желания внедрять подобные инструменты.

* * *

Распространение вируса сегодня, в отличие от предыдущих эпох, больше связано не с завоеваниями, а с результатами гибридных войн, экономических кризисов на фоне глобализации, развитием транспортных систем, а также формированием открытого мира. В большей опасности оказались те, кто был встроен в экономику, например, работал в туристической отрасли. Именно они одними из первых столкнулись как с самим вирусом, так и с последствиями борьбы с ним — введением карантина, запретом на въезд в страну, а затем и ограничением на перемещение по городу. Эпидемия в первую очередь затронула тех, кто работал, имел возможность путешествовать или контактировал с путешественниками. Теперь уже не тяжелые условия, а принадлежность к людям, имеющим достаточный заработок, стала одним из факторов заражения.

Подобные ограничения приводят не только к тому, что отдельные люди, но и фирмы, и даже целые отрасли терпят огромные убытки из-за того, что не могут продолжать свою деятельность. В результате уже сейчас встает вопрос о возрождении туристической отрасли и авиакомпаний, которые практически полностью прекратили свою деятельность на время пандемии и теперь вынуждены восстанавливать ее. С проблемами столкнулся и торгово-промышленный сектор, существенно ограниченный в возможностях продолжения работы в условиях карантина.

Однако изменения наступают не после окончания эпидемии, а уже во время ее течения. Технологии позволяют не останавливать все процессы, как это требовалось ранее, чтобы реализовать карантинные меры, а перестраивают процессы прямо во время эпидемии.

Уже очевидно, что после вероятной победы над коронавирусной инфекцией COVID-19 мир сильно изменится, как это происходило после других серьезных эпидемий. Если предыдущая эпидемия испанского гриппа в основном затрагивала молодое население 20–40 лет, резко сократив число трудоспособного населения, то коронавирусная инфекция COVID-19 в большей степени приводит к смертям среди пожилых. В условиях высокого числа пенсионеров в обществе это приводит к изменениям в социально-экономической структуре, сокращая число получателей пенсионных отчислений и социальных услуг.

Подобная специфика приводит к более серьезным ограничениям на перемещение по городу в отношении пожилых. В том числе, требуя от них более активного использования технических средств для того, чтобы сохранять социальные контакты, получать продукты и проч. У молодого поколения карантин вызывает

В.В. Слюсарев
Т.М. Хусяинов
Трансформация
социальных
структур постко-
ронавирусного
мира

Так, отказ от встреч, сокращение числа поездок и даже рукопожатий может стать нормальным явлением будущего. Мир все больше будет тяготеть к индивидуализации, обособлению и изолированности. Вспоминаются картины из художественной фантастики, наподобие социумов в мультфильме «ВАЛЛ-И» или романе А. Азимова «Обнаженное сердце». И если раньше подобные катаклизмы в итоге приводили к консолидации, объединению усилий ради общей благой цели — выживания вида, то сейчас не приведет ли это нас к пагубным последствиям? А так ли нужен человеку человек в посткоронавирусном мире? Пожалуй, многие сейчас задаются этим вопросом. Остается лишь надеяться и верить, что мы еще нужны друг другу.

9. Куксо К.А. В обход жертвенности (социальные импликации эпидемического опыта) // EINA: Проблемы философии и теологии. 2016. Т. 5 (1/2). С. 57–70.

10. Кулакова К.А. Влияние пандемий на ход развития истории Средневековья // Запад и Россия. Идеи, политика, культура. Конфликт — диалог — взаимовлияние: Сборник статей исторического факультета. Орел: Модуль-К, 2018. С. 67–71.
11. Кутырев В.А. О взаимодействии света и тьмы в технонаучной реальности // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 4. С. 85–99. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-4-85-99
12. Кутырев В.А. От образования к о-программированию (или как достичь передового уровня деградации человека) // Философия хозяйства. 2016. № 5 (107). С. 174–185.
13. Рахманов А.Б. Становление глобального общества и логика пандемий // Социология. 2016. № 1. С. 47–52.
14. Сергиев В.П., Казанов Б.С. Черная смерть. I. Чума в Средневековой Европе // Инфекционные болезни. 2017. Т. 15, № 2. С. 81–94.
15. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
16. Хаксли О. О дивный новый мир / пер. О. Сороки. М.: Художественная литература, 1989.
17. Brainerd E.L., Siegler M.V. The Economic Effects of the 1918 Influenza Epidemic. CEPR Discussion Papers 3791, C.E.P.R. Discussion Papers. 2003.
18. Buschoff K.S., Schmidt C. Adapting labour law and social security to the needs of the “new self-employed” — comparing the UK, Germany and the Netherlands // Journal of European Social Policy. 2009. Vol. 19 (2). P. 147–159.
19. Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity 395–600. Oxford: Routledge, 2011.
20. Fuller S. Post-Truth. Knowledge as a Power Game. London: Anthem Press, 2018.
21. Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. New York: Harward University Press, 1997.
22. Karlsson M., Nilsson T., Pichler S. What Doesn’t Kill You Makes You Stronger? The Impact of the 1918 Spanish Flu Epidemic on Economic Performance in Sweden. IFN Working Paper No. 911. 2012. 58 p. DOI: 10.2139/ssrn.2051009
23. Nohl J. La mort noire: chronique de la peste d’après les sources contemporaines. Paris: Payote, 1986.
24. Rosen W. Justinian’s Flea: Plague, Empire, and the Birth of Europe. New York: Penguin USA, 2007.
25. Short J. The Effect of the 1918 Influenza Pandemic on U.S. Life Insurance Holdings” Economics: Faculty Scholarship & Creative Works. 2019. URL: <https://digitalcommons.augustana.edu/econfaculty/1> (дата обращения: 01.04.2020.)
26. Turner B.S. Orientalism, postmodernism and globalism. London: Routledge, 1997.
27. Wade N. Europe’s Plagues Came From China, Study Finds // The New York Times (October 31, 2010). URL: <https://www.nytimes.com/2010/11/01/health/01plague.html> (дата обращения: 01.04.2020).

В.В. Слюсарев
Т.М. Хусяинов
Трансформация
социальных
структур постко-
ронавирусного
мира

Transformation in Social Structures of the Post-Coronavirus World

Vladimir V. Sliusarev

Junior Researcher, Department of Philosophy.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

23/3 Gagarina av., Nizhni Nivgorod 603022, Russian Federation.

E-mail: slyusarevvladimir@gmail.com

Timur M. Khusyainov

Senior Lecturer, Department of Social Sciences.

National Research University Higher School of Economics.

25/12 Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhni Nivgorod 603155, Russian Federation.

E-mail: timur@husyainov.ru

Abstract. The article is a brief excursion into the history of large-scale epidemics known to mankind. Comparison of similar situations in different historical eras. The results of the comparative analysis make it possible to assert that development of illness is possible only in a highly globalized world. The second general conclusion is a decrease of productive forces and a certain state of human capital. These factors negatively affect the economy, increasing the value of individual workers and their ability to tradition. However, when projecting this pattern into the current situation, a significant difference is noticeable. In addition, the factor of decline in production is due to the high degree of mechanization of labor. As a result, it is possible to predict the reverse previous epidemic impact — the value of an individual worker will decrease directly proportionally in the economy. The third overall impact is due to a change in social institutions — the most effective solutions come usual. Thus, the transformation is economically viable, and the economic system is being transformed during the Justinian plague. Thus, it can be expected that in the near future a high level of unemployment and the alienation of a number of value factors will be ensured.

Keywords: coronavirus, pandemic, information society, technology, digital technology.

For citation: Sliusarev V.V., Khusyainov T.M. Transformation in social Structures of the Post-Coronavirus World // Chelovek. 2020. Vol. 31, N 6. P. 113–128. DOI: 10.31857/S023620070013086-1.

References

1. Axmedzhanova R. “Prihoditsya delat’ uzhasnyy vybor”: kak koronavirus razrushil ital’yanskuyu sistemu zdravooxraneniya [“We have to make a terrible choice”: how the coronavirus destroyed the Italian healthcare system]. Forbes. 17.03.2020. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/395185-prihoditsya-delat-uzhasnyy-vybor-kak-koronavirus-razrushil-italyanskuyu-sistemu> (date of access: 01.04.2020).
2. Beck U. *Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society, Towards a New Modernity]. Translated from German. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2000.
3. Binion P. Evropejskaya identichnost’: istoricheskie korni [European identity]: historical roots // *Personal website shutova.com*. URL: <http://www.shutova.com/ru/translation-rudolph-binion-european-identity> (date of access: 01.04.2020).
4. Boccaccio G. *Dekameron* [The Decameron]. Moscow: NNN Publ., 1994.
5. Bulst N. Pochitanie svyatyh vo vremya chumy. Social’nye i religioznye reakcii na epidemii chumy v pozdnee srednevekov’e [Veneration of saints in the time of cholera. Social and religious responses to plague epidemics in the late middle ages]. Odissey. Chelovek v istorii [Odysseus. Man in history]. Moscow, 2000. P. 152–185.

6. Butkevich S.A. Sistema sotsial'nogo kredita v Kitaiskoi narodnoi respublike v zerkale kriminologii [The system of social credit in the People's Republic of China in the mirror of criminology]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2019. N 1. P. 111–116.

7. Dimitrov T.O. K'm vz"edejstviu na taka narechenata Yustinianova chuma (541–748) v"rxu demografskata struktura na Vizantijskata imperiya [On the Impact of the So-called Justinian Plague (541–748) on the Demographic Structure of the Byzantine Empire]. *Istoricheski pregrad — Istoricheski barrier*. 2011. N 1–2. P. 5–15.

8. Kozlenko A.V. Chuma, izmenenie klimata i padenie Rimskoj Imperii [Plague, Climate Change, and the Fall of the Roman Empire]. In S.A. Maskevicha, S.S. Poznyaka (eds). *Saxarovskie chteniya 2018 goda: e'konomicheskie problemy XXI veka: Materialy 18-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 3 chastyax* [Sakharov Readings of 2018: Economic Problems of the All-Russian Agricultural Institute of the Century: Materials of the 18th International Scientific Conference: in 3 parts]. Minsk: Informacionno-vychislitel'nyj centr Ministerstva finansov Respubliki Belarus, 2018. P. 52–53.

9. Kukso K. V obhod zhertvennosti (social'nye implikacii epidemicheskogo opyta) [In Bypass of sacrifice (Social Effects of Epidemic Experience)]. *EINAI: Problemy filosofii i teologii*. 2016. Vol. 5 (1/2). P. 57–70.

10. Kulakova K.A. Vliyanie pandemij na xod razvitiya istorii Srednevekov'ya [The influence of pandemics on the course of development of the history of the Middle Ages]. *Zapad i Rossiya. Idei, politika, kul'tura. Konflikt — dialog — vzaimovliyanie: Sbornik statej istoricheskogo fakul'teta* [West and Russia. Ideas, politics, culture. Conflict – Dialogue – Mutual Influence: Collection of articles of the Faculty of History]. Orel: Modul'-K, 2018. P. 67–71.

11. Kutyrev V.A. O vzaimodeistvii sveta i t'my v tekhnonauchnoi real'nosti [On the interaction of light and darkness in techno-scientific reality]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical Journal]. 2019. N 4. P. 85–99. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-4-85-99

12. Kutyrev V.A. Ot obrazovaniya k o-programmirovaniyu (ili kak dostich' peredovogo urovnya degradacii cheloveka) [From the Education to the Programming (or How to Achieve an Advanced Human Degradation)]. *Filosofiya xozyajstva* [Economy Philosophy]. 2016. N 5. P. 174–185.

13. Rakhmanov A.B. Stanovlenie global'nogo obshchestva i logika pandemij [The emergence of global society and the logic of pandemics]. *Sociologiya* [Sociology]. 2016. N 1. P. 47–52.

14. Sergiev V.P., Kaganov B.S. Chernaya smert'. I. Chuma v Srednevekovoj Evrope [The Black Death. I. Plague in the medieval Europe]. *Infekcionnye bolezni* [Infectious Diseases]. 2017. N 15 (2). P. 81–94.

15. Srnicek N., Williams A. *Izobretaya budushchee. Postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work]. Moscow: Strelka Press, 2019.

16. Huxley A. *O divnyj novyj mir* [Brave new world]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1989.

17. Brainerd E.L., Siegler M.V. The Economic Effects of the 1918 Influenza Epidemic. *CEPR Discussion Papers* 3791. 2003.

18. Buschoff K.S., Schmidt C. Adapting labour law and social security to the needs of the “new self-employed” — comparing the UK, Germany and the Netherlands. *Journal of European Social Policy*. 2009. N 19 (2). P. 147–159.

19. Cameron A. *The Mediterranean World in Late Antiquity 395–600*. Oxford: Routledge, 2011.

20. Fuller S. *Post-Truth. Knowledge as a Power Game*. London: Anthem Press, 2018.

В.В. Слюсарев
Т.М. Хусяинов
Трансформация
социальных
структур постко-
ронавирусного
мира

21. Herlihy D. *The Black Death and the Transformation of the West*. New York: Harward University Press, 1997.
22. Karlsson M., Nilsson T., Pichler S. What Doesn't Kill You Makes You Stronger? The Impact of the 1918 Spanish Flu Epidemic on Economic Performance in Sweden. *IFN Working Paper*. 2012. N 911. DOI: 10.2139/ssrn.2051009
23. Nohl J. *La mort noire: chronique de la peste d'après les sources contemporaines*. Paris: Payote, 1986.
24. Rosen W. *Justinian's Flea: Plague, Empire, and the Birth of Europe*. New York: Penguin, 2007.
25. Short J. The Effect of the 1918 Influenza Pandemic on U.S. Life Insurance Holdings. *Economics: Faculty Scholarship & Creative Works*. 2019. URL: <https://digitalcommons.augustana.edu/econfaculty/1> (date of access: 01.04.2020).
26. Turner B.S. *Orientalism, postmodernism and globalism*. London: Routledge, 1997.
27. Wade N. Europe's Plagues Came From China, Study Finds. *The New York Times* (October 31, 2010). URL: <https://www.nytimes.com/2010/11/01/health/01plague.html> (date of access: 01.04.2020).